

© 2002 г.

Ю.Л. КАЧАНОВ

ЧТО ТАКОЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ?

*КАЧАНОВ Юрий Львович - доктор философских наук, главный научный сотрудник
Института социологии РАН.*

...Идея явления есть
теоретическая идея...

Г.В.Ф. Гегель.
Наука логики

Термин "социологическая теория" обозначает определенный род социологических практик, как живых, так и опредмеченных в текстах. Исследование практик социальной науки с точки зрения родовидовых различий - занятие специфическое. Задача состоит в том, чтобы обнаружить в некоем множестве практик определенные закономерности их строения и осуществления, отличающие его от других множеств и позволяющие называть эти практики "теоретическими". (При этом своеобразии каждой отдельной практики нами не изучается.) Исследование, однако, осложняется тем обстоятельством, что в истории социальной науки остаются лишь те теории, которые существенно изменяют сложившиеся до них представления о том, что такое "социологическая теория". Живые и опредмеченные "теоретические" практики, не отвечающие этому критерию, автоматически зачисляются в род "компиляции и исторические изыскания".

Прежде чем ответить на вопрос, что такое социологическая теория, мы должны решить для себя, существуют ли непосредственные манифестации структур социальной науки. Другими словами, принимаем ли мы постулат о том, что структуры, складывающиеся из феноменов, проявляются на уровне самих феноменов, непосредственно наблюдаемы. Постулат, как таковой, не нуждается в доказательствах, однако он может быть более или менее продуктивным. Для нас один из важнейших принципов социальной науки состоит в том, что конструируемые социологией структуры¹ относятся не к социальной действительности, а к моделям, построенным в соответствии с ней [1, 2]. Мы постулируем, что структуры социальной науки располагаются на уровне абстракций, смещенном по отношению к эмпирически фиксируемому научным практикам. В этом смысле можно сказать, что не социологическая теория присутствует в таких-то практиках, а что непосредственно наблюдаемые практики манифестируют абстрактную и смещенную относительно них структуру, построенную исследователем и названную им "социологической теорией".

Попробуем подробнее изложить наши собственные теоретические основоположения. Во-первых, субъективность и интенциональность полагаются нами как функции социальных форм (отношений, практических схем, габитуса), а не как нечто первичное. Автономный, прозрачный для самого себя и неангажированный субъект социального познания оказывается полностью децентрирован. Условием возможности интерсубъективных структур в социологическом опыте выступают бессубъектные инстанции (социальные отношения и др.), выполняющие основные функции того, что в философии традиционно обозначается как трансцендентальный субъект. Во-вторых, упраздняется сама оппозиция субъект - объект, поскольку кризис представлений о рациональном автономном эпистемологическом субъекте делает нерелевантной концепцию знания как репрезентации, согласно которой познающий субъект противопоставляется независимой от него социальной действительности (приравняваемой к пространству объектов) и сравнительно верно воспроизводит ее в социологическом знании. Оказывается, что, с одной стороны, "объективные данные" всегда уже субъективно пред-интерпретированы, а с другой, условием возможности познания социальной действительности выступает "онтологическая захваченность" исследователя. В-третьих, не вызывает сомнений наличие в теоретическом знании силовых эффектов поля науки, непрямого коммуникации, социального и политического измерений. Самая абстрактная социологическая теория есть специфическая форма организации фактического социального опыта. В силу этого любая социологическая теория значима лишь в определенном практическом контексте и должна рефлексивно соотноситься как с позицией исследователя в социальном пространстве, так и с его позицией в поле науки².

С точки зрения "структуралистского" представления философии науки [3, 4], теория есть упорядоченная (в логико-математическом смысле) пара формального ядра [5] и множества предполагаемых приложений. При таком подходе социологическая теория (если она, конечно, не рассматривается в качестве всего лишь учебной дисциплины, как в [6, 7]) выступает предикатом отношения, задаваемого множеством потенциальных моделей применения [8]. Термин "теоретическое понятие" определяется через отношение между "до-теоретическими" и "теоретическими" понятиями фиксированной теории. Теоретическое понятие, таким образом, связано лишь с применением теории: соответствующая величина может быть измерена.

Всякая теория имеет дело с истиной и связана с практикой. "Социологическая теория" предполагает, прежде всего, некоторую "практику", теорией которой она является. Какова же практика, организуемая³ социологической теорией? Очевидно, что это не социальная практика, - ведь социологическая теория описывает не социальную действительность, а сконструированный наукой социальный мир, - но социологическая практика⁴, то есть вообще исследования социального мира. В таком смысле - как объективация и кодификация социологического исследования - социологическая теория есть высокоспециализированный вид научной деятельности, противостоящий метафизическим спекуляциям⁵ и обыденным рассуждениям. Социологическая теория не является чем-то беспредпосылочным и самодостаточным. Она выступает определенным историческим, а значит - спонтанным, осуществлением структур научного производства. Социологическая теория не есть простая филиация идей или "внешнее деяние субъективного мыслителя"⁶. Вопреки мнению некоторых социологов, социологическая теория ни в коей мере не выступает "самосознанием общества", поскольку, во-первых, модель "общества" как организма или квази-субъекта утратила научное значение [9, 10] и, во-вторых, она связана с социальной действительностью лишь опосредствованно.

Практику нельзя редуцировать лишь к применению теории. В общем случае можно сказать, что с построением теории экспериментальные формы социологической практики, которые привели к ней, становятся моментами самой этой теории. Опосредствование данными формами неизбежно для любой социологической теории. Если это опосредствование принимает неявный вид, то социологическая теория соопределяется

простейшими эмпирическими практиками - массовым опросом. Посему "чистые" теории, не имеющие собственной внятной экспериментальной перспективы, любят деструктивную критику⁷ социологической практики, отождествляя ее с так называемым изучением общественного мнения.

Всем известны попытки создания социологической теории как некоего внепространственного и вневременного *Абуџ'а*, соотносящегося лишь с самим собой в процессе непрерывного порождения концепции, копирующих философские, логические, а в последнее время и экономические или политологические модели⁸. В конечном счете это означает радикальный разрыв с собственно социологическими практиками и превращение теории в набор более или менее когерентных понятий и способов самопроверки, но отнюдь не в научное знание о социальной действительности. Тем самым социальный мир исчезает под грузом категорий мышления, составляющих "предмет социологии", имманентный философскому или юридическому дискурсу, но имеющий мало общего с подлинным предметом социологического исследования.

Нехватка рефлексии не позволяет таким теоретикам поставить вопрос о социологической практике как особом виде опыта.

Необходимо различать рефлексивное и нететическое в социальной теории от дорефлексивного и нететического, - того, что наделено минимальной структурой определенности и известности, опирается на докисческий опыт (ср. [11-13]), принимается ученым за очевидное и само собой разумеющееся, известное до всякой социологии⁹. (Например, "фоновые ожидания" Г. Гарфинкеля [14], "системы отсчета" (*frames*) И. Гофмана [15] или "неявное знание" М. Полани [16], инкорпорированное в агента, опредмеченное в его практических схемах, навыках и способностях). Научный язык социологии не только "надстраивается" над предсуждением (*Vor-urteil*), допредикативным опытом, нетематическим полем переживаний¹⁰, недискурсивными практиками, но и невозможен без них. Социальные факты, любые события социального мира могут быть объяснены лишь исходя из практического контекста, причем объяснение выступает способом бытийствования ученого¹¹. Здесь следует интерпретировать сознание как (символические) практики¹² (*praktisches Bewusstsein* К. Маркса), а не как целокупность теоретического дискурса. Социологическое объяснение интегрировано в социальную реальность как одно из сущих социального мира. Социологическое объяснение не может быть лишь ценностно-нейтральным истолкованием, возникающим непосредственно из академически-незаинтересованного чистого созерцания, оно еще и жизненно-практическое участие исследователя в социальных отношениях. Для "социальной техники" социологическое объяснение это не просто рефлексия по поводу события, которое могло бы существовать и без этого объяснения, - напротив, социологическое объяснение участвует в производстве этого события, а в некоторых случаях претендует на конституирующую, хотя и подчиненную, роль¹³. Социологическое объяснение не определяется единственно ансамблем познавательных практик социолога: условием действительности социологического объяснения является "онтологическое соучастие" социолога и социальной действительности, практическая захваченность исследователя, нахождение "посреди" социального мира и доставляемая таким расположением "внутри" социального мира его "открытость", "раскрывающий" характер практик (ср. [17, 18]). Подчеркнем, что открытость раскрывается как различие между объективированным и необъективированным и лишь в нем. Социологическое познание возможно лишь постольку, поскольку сущее социального мира становится открытым, т.е. объективируется в свете различия "тематизированное/нетематизированное" (ср. [19]). Социологическое объяснение всегда есть практически-озабоченное объяснение социального явления как чего-то "инструментального", не существующего безотносительно к социологу и поэтому в первую очередь отвечает критерию пригодности. Отсюда вытекает стремление к непрерывному улучшению, совершенствованию социологического объяснения. Характер социологического объяснения объективирует не только критико-рефлексивную, но и активно-

преобразующую позицию науки по отношению к ее предмету. Объяснить - значит, сверх того, определить свою позицию в социальном мире, ибо социологическое объяснение есть момент этого мира.

Помимо контролируемых сознанием идеально-типических образований, социологическое объяснение всегда надделено "структурным" или допредикативным, дорефлективным аспектом: "объяснительная структура" (например, у Э. Дюркгейма "объяснительными структурами" выступают "социальный факт" и "социальная действительность", понятая как *causa sui*) не есть элемент сознания, она не может быть деконструирована, а затем воспроизведена по рефлективной схеме. Существование допредикативного опыта предполагает, что первичная концептуальная система, кодифицируемая естественным языком, не имеет универсального характера, поскольку любой язык есть модель ("исчисление") практик, а не "дом бытия", неустраиваемая среда бытийствования агента. Необходимым и всеобщим "посредником" между агентом и социальным миром скорее выступают практики, без которых агент не может обойтись даже в абстракции. Действительность социального агента - это его и других агентов практики, взятые вместе с телесностью. Практики, осуществляющие отношение агента с социальным миром, составляют как событийный горизонт, так и базис предобъяснения. Их универсальность конституируется социальными отношениями и заключается в выходе за пределы любой возможной наличной ситуации. Открытость - условие действительности любого возможного социологического знания. Логически это представляет собой отношение социальной реальности к социальному миру, которое можно изобразить как отношение необъективированного к объективированному.

Социолог объясняет социальный мир особыми научными артефактами - "объяснительными структурами", которые действуют сами по себе и которые ученый может не объяснять - они фактически сами себя объясняют и задают горизонт социологического познания. Объяснительные структуры изначально, чем теоретические установки социологической рефлексии, и образуют ее основу и предпосылку. Социологическое мышление *en gros* является пространственно-временной структурой объяснительных структур.

Рефлективная неопределимость и дискурсивная невыразимость "объяснительных структур" на деле значит, что агент не может выйти за пределы ансамбля социальных отношений иначе, чем в моделирующей абстракции и идеализации, но не практически. Эти структуры - зачастую непонятны и недискурсивно - выражают действительные связи агента с социальным миром, открытые ему в его практиках посредством их социальной обусловленности. Агент не может адекватно постигнуть "объяснительные структуры" потому, что в силах их распредметить, т.е. не обладает способами их воспроизведения в своих практиках. Относительно "объяснительных структур" социолог не может сказать, что именно они означают, и, следовательно, не может с их помощью однозначно отделить социологическую истину от неистины, потому что сама социологическая истина есть производная от этих структур. "Объяснительные структуры" выступают в роли инвариантов отношений внутри социальных систем практик, в которые вовлечен агент. Они суть преобразованные диспозиции, позволяющие агенту производить плодотворные практики, "вписанные" в социальный мир, согласованные с ним, и потому укорененные в объективных социальных структурах, предобъяснение которых они осуществляют. Это предобъяснение сводится к успешному практическому использованию законов-тенденций социального мира, которые в прагматической логике инструментального предзнания могут сколько-нибудь отчетливо не осознаваться, но, тем не менее, учитываться.

Социологическое объяснение представляет собой трансцендентный акт, выходящий за пределы сознания социолога. Агент знает лишь содержание своего сознания, и если он может познать сущее социального мира, то лишь потому, что наличествует социальное отношение, производящее эту трансцендентность до всякого сознания. Социологическое объяснение - знание того, что происходит в действительности - изначально обусловлено открытостью социального мира, существованием социаль-

ных отношений, переходящих границы сознания вообще и социологического мышления в частности. Иначе говоря, социологическое объяснение определяется движением различия "объективированное/необъективированное", каковое осуществляется научным производством во взаимодействии с различными социальными силами.

Следовательно, допредикативное и дорефлективное "онтологическое объяснение" ("открытое", явленное в социальной реальности) совершается не на уровне теоретического сознания, а практически, как способ бытийствования агента, объективирующий необъективированное. В первую очередь оно есть условие эффективности социальных практик, а уж затем - понятие социологии. "Онтологическое объяснение" обретается в ходе объективирующих социальную действительность практик и непременно включено в их процесс. Объективирующие практики не просто условие "онтологического объяснения", они суть "онтологическое объяснение" как таковое, если опереться на интуицию, дающую сознание как практики (*praktisches Bewusstsein*). Подобная слитность "онтологического объяснения" с объективирующими практиками предполагает, что субъект и объект не расколоты, а нераздельны/неслиянны, поскольку объяснение обосновывается не субъектом или объектом порознь, но различием между объективированным и необъективированным. Говоря метафорически, "онтологическое объяснение" - не "предикат" социального мира, а его "субъект", равно как и практики - это не "предикат" агента, а его "субъект". Практики захватывают, вовлекают в себя агента. Именно они, а не объясняющий агент, являются субъектом "онтологического объяснения". Этот субъект, однако, не может быть с исчерпывающей полнотой определен дискурсивно. Естественно, что социолог не может ограничиться инструментальным, прагматическим истолкованием, неразрывно связанным с породившим его практическим и недискурсивным контекстом: ему будет просто нечего сказать, тогда как он вынужден сообщать о результатах своей деятельности в дискурсивной форме. Поэтому собственно социологическое объяснение (являющееся не способом бытийствования социолога, а одним из видов познания) начинается лишь на рефлексивном уровне. "Онтологическое объяснение" (т.е. в сущности "предварительное", не ставящее перед собой задачи *rerum cognoscere causas*) по отношению к объяснению социологическому выступает необходимой предпосылкой и неустранимым нетематизированным "горизонтом". Его можно представить как объединение в процессе практик "горизонта" объясняющего агента и "горизонта" объясняемого сущего социального мира. Точнее говоря, социологическое объяснение устанавливается различием между "онтологическим" и собственно социологическим объяснением.

Констатация кризисного состояния современной философии давно стала общим местом [20]. Не так давно к философам присоединились социологи [21]. Осмысление процесса деформации и дезинтеграции социологического знания в российской социологии принимает форму рефлексии над понятиями [22]. В целях предотвращения кризиса понятийного аппарата Ж.Т. Тощенко предлагает обратиться к "социологии жизни" как основе объединения оппозиционных теорий. При таком посыле можно было бы ожидать, например, утверждений об изначальной связи (*Urverhaltnis*) между жизнью и категориальной формой, о существовании некоего до-теоретического момента, предшествующего понятийному познанию социальной действительности (см.: [23]). Однако Ж.Т. Тощенко исходным понятием полагает "сознание". "Теоретическая логика"¹⁴ концепции социологии жизни есть логика формальная, базирующаяся на принципах деления, обобщения и ограничения [22], а не так называемая содержательная.

Если социология представляется себе самой основанной на априорных принципах, квалифицируемых как непосредственно очевидные, то лишь в этом случае она может провозгласить себя совершенствующейся по преимуществу логически. Декларируемую основу подобной "классической" социологии составляют отражение социальной

действительности, глубинная подлинность, явная или скрытая трансцендентальность, субъект познания как конечный гарант достоверности. За этим скрывается конструирование самоочевидных артефактов (таких, как "общественное сознание"), политическая и метафизическая "нагруженность" социологической теории. Понятийное мышление в такой социологии выступает в роли познающего мышления, имманентного всем социальным явлениям и охватывающего существенное содержание любого возможного социологического знания. Однако поскольку мы признаем социологию опытной наукой, систематизирующей и обобщающей опытное знание, постольку мы будем вынуждены признать, что понятийное мышление в социологии обусловлено внешними (т.е. не логическими в узком смысле, а социальными) факторами [24, 25]. Социологическое мышление отнюдь не универсально. Оно непрозрачно само для себя, поскольку его априорные формы - в отличие от Кантовых - не покоятся в сфере дедуктивной логики, а укоренены в ансамбле социальных отношений. Представляется, что понятийный аппарат социологии нельзя построить, исходя из формальной логики: синтетическое *a priori* здесь может быть представлено как форма притязаний на социальную значимость, а понятийное мышление - как "носитель" компетенции, полученной в социологическом опыте. Само социологическое понятие вовсе не "атом теории", а скорее некий узел сети социологических различий.

Проблема теории никогда не была просто одной из многих проблем социологии (ср. [26-28]). Однако она никогда еще не охватывала такого многообразия различных и разнородных областей исследования, методологий, дискурсов и др., как в наши дни. Недавний вал "теоретических" публикаций наглядно демонстрирует остроту вопроса "что такое социологическая теория?" Этот термин не означает некоей данности или хотя бы близкого горизонта достигнутой научной достоверности¹⁵. Социологическая теория не может покоиться на априорном по отношению к ней трансцендентальном основании. Она всегда опосредствована своими границами. Социологическая теория ограничена пространством-временем, социальными отношениями и сложившейся научной практикой. Исследование детерминаций теоретического познания социального мира в конечном счете соотносится лишь с самим этим познанием в его связи с условиями его действительности. Будучи не в состоянии раскрыть собственную имманентность, она, тем не менее, способна эксплицировать свои границы именно в качестве границ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bourdieu P. Science de la science et reflexivite. Paris: Ed. Raisons d'agir, 2(K)1.
2. Качанов Ю.М. Начало социологии. М.: ИЭС; СПб.: Алтейя, 2000.
3. Suppe F. What's wrong with the received on the structure of scientific theories // Philosophy of Science. 1972. №39. P. 1-19.
4. Giere R.N. The cognitive structure of scientific theories // Philosophy of Science. 1994. № 61. P. 276-296.
5. Stegmuller W. The structuralist view of theory. Berlin-Heidelberg-New York: Springer Verlag, 1979. P. 25.
6. Adams B.N., Sydie R.A. Contemporary sociological theory. Thousand Oaks, Ca.: Pine Forge Press, 2002.
7. Ashley D., Orenslein D.M. Sociological theory: classical statements. Boston: Allyn and Bacon, 2(X)1.
8. Stegmuller W. Neue Wege der Wissenschaftsphilosophie. Berlin-Heidelberg-New York: Springer Verlag, 1980.
9. Bourdieu P. Raisons pratiques. Sur la theorie de l'action. Paris: Ed. du Seuil, 1994. P. 17-25.
10. Touraine A. Critique de la modernite. Paris: Ed. Fayard, 1992. P. 408-409.
11. Husserl E. Krisis der Europaischen Wissenschaften und die trans/endentale Phänomenologie. Eine Einleitung in die phänomenologische Philosophie / Hrsg. von W. Biemel. 2. Aufl. // Husserliana. Bd. VI. Den Haag: Martin Nijhoff Verlag, 1962. S. 120.
12. Heidegger M. Aristotels, Metaphysik Q 1-3 // Heidegger M. Gesamtausgabe / Hrsg. von F.-W. von Herrmann. Bd. 33. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann Verlag, 1990. S. 146 f.
13. Waldenfels B. Der Spielraum des Verhaltens. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1980. S. 81.
14. Garfinkel H. Studies in ethnomethodology. Cambridge: Polity Press, 1987.
15. Goffman E. Frame analysis: an essay on the organization of experience. New York: Harper&Row, 1974.
16. Поланьи М. Личностное знание. На пути к посткритической философии: Пер. с англ. / Общ. ред. В.А. Лекторского, В.И. Аришинова. Пер. М.Б. Гнедовского, Н.М. Смирновой, Б.А. Старостина. М.: Прогресс, 1985.

17. *Dreyfus H.* Being-in-the-world: a commentary on Heidegger's "Being and time". London: MIT Press, 1993.
18. *Bloor D.* Wittgenstein: a social theory of knowledge. New York: Columbia University Press, 1983.
19. *Апель К.-О.* Коммуникативное сообщество как трансцендентальная предпосылка социальных наук // *Апель К.-О.* Трансформация философии / Пер. с нем. *В. Куренного, Б. Скуратова.* М.: Логос, 2001. С. 199-203.
20. *Badiou A.* Manifeste pour la philosophic. Paris: Ed. du Seuil, 1989. P. 7.
21. What's wrong with sociology? / Ed. with an introduction by *S. Cole.* New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers, 2001.
22. *Тоценко Ж. Т.* О понятийном аппарате социологии // Социологические исследования. 2002. № 9.
23. *Lask E.* Die Lehre vom Urteil. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck) Verlag, 1992.
24. *Knorr-Cetina K.* Epistemic cultures: how the sciences make knowledge. Harvard: Harvard University Press, 1999.
25. *Laudan L.* Science and relativism. Chicago: University of Chicago Press, 1990.
26. *Friedman M.* On the sociology of scientific knowledge and its philosophical agenda // Stud. Hist. Phil. Sci. 1998. Vol. 29. №2. P. 239-271.
27. *Ben-David J.* Elements d'une sociologie historique des sciences. Paris: Ed. PUF, 1997.
28. *Barnes B., Bloor D., Henry J.* Scientific knowledge: a sociological analysis. Chicago: University of Chicago Press, 1996.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ При этом структура полагается как *динамическая* и *историческая* сущность.
- ² Другая точка зрения изложена, например, в работах: *Leplin J.* Scientific realism. Berkeley: University of California Press, 1984; *Creaven S.* Marxism and realism: A materialistic application of realism in the social sciences. New York: Routledge, 2001.
- ³ Теория может быть представлена, в том числе, как совокупность правил. См.: *Кант И.* О поговорке "Может это и верно в теории, но не годится для практики" / Пер. с нем. *Н. Вельденберг II Кант И.* Сочинения. В 8-ми т. Т. 8. М.: Чоро, 1994. С. 158.
- ⁴ Ср. *Стетин В.С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 104-105.
- ⁵ Метафизика понимается как учение о сверхопытных началах и законах бытия.
- ⁶ *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. Пер. с нем.: Ред. и сост. *Д.А. Керимов и В.С. Нерсисян.* М.: Мысль, 1990. С. 91.
- ⁷ Эта критика, используя образное выражение К. Маркса, есть критика "...скрытая, еще не ясная для себя самой и имеющая мистический вид..." (*Marx K.* Okonomisch-philosophische Manuskripte 1844 // MEGA. Bd. 2. Berlin: Dietz Verlag, 1982. S. 404).
- ⁸ Здесь уместно напомнить, что И. Кант определял разум как способность образовывать идеи. Они - основоположения разума (*Кант И.* Критика чистого разума, В536), но не *конститутивные, а регулятивные* или формальные (там же, В537). Это означает, что идеи суть принципы систематического единства многообразного содержания эмпирического познания вообще; они не являются принципами "распространения нашего знания на большее число предметов, чем может дать опыт" (там же, В699). И. Кант доказывает только действительность принципа разума как правила возможного опыта и его недействительность в качестве конститутивного основоположения о вещах самих по себе (там же, В544). Если посредством трансцендентальной подмены мы представляем регулятивный принцип в роли конститутивного, то создаем лишь спекулятивные метафизические иллюзии (там же, В647-В648). Идеи - принципы эмпирического применения разума, "за которыми и применение может следовать только асимптотически, т.е. только приближаясь к ним, но никогда не достигая их" (там же, В692). Будучи априорными синтетическими положениями, они "служат правилом возможного опыта и действительно удачно применяются при обработке опыта как эвристические основоположения" (там же, В692). Мы полагаем, что такие идеи разума во многом представляют собой aberrации "логоцентрического" мышления, и в качестве таковых должны быть деконструированы. В то же время многие авторы полагают их неустраняемыми предпосылками научного познания, конституирующими теоретическое мышление.
- ⁹ "...Понять нечто можно лишь благодаря заранее имеющимся относительно него предположениям, а не когда оно предстает нам как что-то абсолютно загадочное. То обстоятельство, что антиципации могут оказаться источником ошибок в толковании и что предрассудки [*Vol-urteil* - дорефлективные содержания сознания], способствующие пониманию, могут вести и к непониманию, лишь указание на конечность такого существа, как человек, и проявление этой его конечности" (*Гадамер Г.Г.* Философские основания XX века / Пер. В.С. Малахова // *Гадамер Г.Г.* Актуальность прекрасного / Пер. с нем. М.: Искусство, 1991. С. 18-19). Заметим, что уже основоположник социологии позитивист

- О. Конт в некоторых своих построениях воздавал должное априоризму: "Если, с одной стороны, всякая положительная теория должна непременно опираться на наблюдения, то, с другой стороны, для того чтобы приступить к наблюдениям, наш ум нуждается уже в какой-нибудь теории. Если, созерцая явления, мы не связали бы их с каким-нибудь принципом, то для нас было бы невозможно не только соединить эти различные наблюдения и, следовательно, извлечь из них какую-нибудь пользу, но даже и запомнить их; чаще же всего явления остались бы незамеченными" (*Конт О.* Курс положительной философии. Т. 1. СПб.: Посредник, 1900. С. 6).
- 10 Согласно Э. Гуссерлю, любое чистое интенциональное переживание содержит нетематические данности, которые актуально не осознаются, на которые не направлено сознание. Они составляют его нетематический горизонт - своеобразное пред-знание о предмете.
- 11 "Практики (как "синтез" агента и не-агента) суть, рассуждая по аналогии, социальная форма существования "трансцендентальной субъективности". Ср. *Habermas J.* Nachmetaphysisches Denken. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag. 1988. S. 217 ff.
- 12 Социальные практики суть все то, что делают социальные агенты, включая, разумеется, и целесообразные преобразования предметов, взятые в их социальных формах. Практики не могут быть сведены ни к объективному научному познанию, ни к субъективному опыту сознания, а являются действительным осуществлением социальных отношений. (Ср. *Habermas J.* Theorie des kommunikativen Handelns. 4. Auflage. Bd. 1. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1987. S. 385.) Практики - события социального мира. Событие есть производное от изменения. Можно сказать, что практики являются изменениями социального мира, производимыми агентами. Мы употребляем понятие "практика" как в единственном, так и во множественном числе. На современном уровне развития социальной науки считается, что, несмотря на общность, это понятие содержит точное описание предмета, и суждения о "практике" как о чем-то единичном и о чем-то общем фактически совпадают. (Ср. *Nancy J.-L.* *Etre singulier pluriel.* Paris: Ed. Galilee, 1996). Сознание как практики есть определенный вид опыта сознания, неотделимый от практик. Поскольку предметно-преобразующий характер практик позволяет агенту преодолевать границы наличной ситуации, постольку сознание как практики открыто навстречу социальной действительности.
- 13 Чтобы это утверждение не показалось голословным, приведем взятую наугад, а потому относительно типичную выдержку из самопрезентации одной из исследовательских секций ИС РАН: "Необходим поиск научно-инструментальных способов подкрепления нравственных императивов, позволяющих перейти от конфликтной идеологии к идеологии партнерства. Требуются принципиально новые подходы к изучению истоков, предвидению и предотвращению, а если профилактика запаздывает, то и к разрешению кризисных ситуаций. Между гражданином и властными структурами должна быть создана система наукоемких социально-диагностических и конструктивно-коммуникативных технологий. Такое вмешательство социальной науки в жизненную практику потребует обучения граждан партнерству и диалогу, а значит, и комплексной социальной диагностике и мотивационно-целевому (интенциональному) анализу текстовых источников, моделированию ситуаций конфликта интересов и ожиданий, разработки игровых и сценарных методов их разрешения, методик тренинга и консультирования. Все это таит в себе перспективу нетривиальных теоретико-познавательных и социально-практических результатов исследования" (Институт социологии / Отв. ред. *В.А. Ядов.* М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998. С. 58).
- 14 Термин Дж. Александера. См.: *Alexander J.C.* Theoretical logic in sociology. Vol. 1. London etc.: Routledge and Kegan Paul, 1982.
- 15 "...Ни одна теория никогда не согласуется со всеми известными в своей области фактами" (*Фейерабенд П.* Против методологического принуждения // *Фейерабенд П.* Избранные труды по методологии науки: Пер. с англ. и нем. / Общ. ред. и авт. вступ. ст. *И.С. Нарский.* М.: Прогресс, 1986. С. 186).